

Томас Манн

Действующие лица:
Томас Манн
Катя, его жена
Франк, его парикмахер
Фюрер (голос)

Действие первое

Сцена первая

Весна 1933 года. Ароза в Швейцарии. Гостиничный номер с видом на Альпы. Великолепный письменный стол, за столом, спиной к публике, Томас Манн. Кровать, на кровати шляпа. Кресло, тумбочка, радио. На звук отворяемой двери Томас Манн поднимается с кресла, отодвигает его, оборачивается. Держится церемонно. Он ждет важного посетителя.

Входит Катя.

КАТЯ. Это всего лишь Франк.

ТОМАС МАНН. Он сказал, что придет в двенадцать.

КАТЯ. Помогал соседям стричь овец. **ТОМАС МАНН.** Я не о Франке. Меня интересует тот мерзавец, которого пришлет другой мерзавец. Не знаешь, куда я дел очки?

Катя глядит на него с жалостью.

ТОМАС МАНН (смуточно). Все у меня пропадает в этих гостиницах. Кладу очки на место, потом возвращаюсь, а очков нет. Знаешь почему? Потому что места нет. Все постоянные места летят в тартарары. Все плывет. А я люблю постоянство. В каждой гостинице другое постоянное место. И я кладу очки куда попало, а потом забываю куда.

КАТЯ (смотрит в окно). Вчера ты забыл выпить ромашковый чай. Зато принял целую таблетку.

ТОМАС МАНН. Все это вздор. Знаешь, что меня действительно огорчает? Что сигара потеряла вкус. Когда-то я садился за стол, только чтобы закурить после еды. Теперь обедаю без всякой философии. (Вынимает очки из кармана брюк, надевает их).

КАТЯ. Небо как на картинке.

ТОМАС МАНН (смотрит на Катю). Вот так хорошо. Ты красиво стоишь. И всегда так стояла у северной балюстрады.

КАТЯ. Но земля еще не пахнет.

ТОМАС МАНН. Земля уже нигде не пахнет. Птицы поют редко. А когда-то все пело, все благоухало. По ночам просыпаюсь от собачьего визга. Будем писать письма?

КАТЯ. Ты еще не прочел те, что пришли.

ТОМАС МАНН. С меня хватило и телеграммы от детей.

КАТЯ. И ты еще собирался туда ехать.

ТОМАС МАНН. Только забрать кое-какие нужные вещи.

КАТЯ. Дети привезут.

ТОМАС МАНН. Детей не впускают в наш дом.

КАТЯ. А тебя не выпустят.

ТОМАС МАНН. У меня там было четыре пары очков. Одну подарил король Швеции. Одна потерялась, другая находилась. Теперь ими пользуются господа офицеры, чтобы читать свои поносные листки. Они купаются в моей ванне. Они совмкупаются в моей постели. А если этот курьер — на предмет дома?

КАТЯ. Вполне возможно. Чтобы заманить тебя туда и отобрать паспорт.

ТОМАС МАНН. Видимо, их дела обстоят хуже, чем нам кажется. Или мои дела обстоят лучше, чем мы думаем. Они считаются с моим высоким положением.

КАТЯ. Куда уж выше. В Альпах. Говорят, Гитлер строит здесь себе бункер.

ТОМАС МАНН. Сначала в Альпах прячутся ягнята, а потом туда удирает волк. Мне следует опасаться? Они будут угрожать?

КАТЯ. Тогда, чтобы удержаться на высоте положения, мы отправимся в Гималаи.

ТОМАС МАНН. Злая ты. А я эти горы ненавижу. Если что, я бы не пожалел об Альпах. И о людях. Мне было бы жаль проститься с морем. Я понимал мир, только глядя на море.

Знаешь, когда бы я понял себя? Если бы увидел дно океана. Это тоже горы, но тихие и холодные. Я вижу их во сне. Такой будет смерть. Постепенно я превращусь в угольный столб. Поплыву через затопленные города. И однажды течение принесет меня в старый Любек. Меня ждут там. Я превращусь в уголь на дне океана. Прилягу к каменному платю мамы. Вода нас омоет. Прикроет нас песок. Смерть в Альпах. Я не знаю, как умирают в Альпах.

КАТЯ. Неужели? (Подходит к креслу, садится.) А кто поубивал половину гостей небезызвестного в этой местности модного санатория?

ТОМАС МАНН. Таковы законы природы. Я только смотрю и слушаю. И они умирают по царски. А меня утопят в грязь.

КАТЯ. Смерть есть смерть.

ТОМАС МАНН. Неправда. Я умертвил де-

Томас Манн

сятки своих героев. Но каждый из них умирал подобающим образом. Купец по-купечески, Папа — как положено Папе. На моей совести крови больше, чем у Достоевского. Но это из-за особенностей туберкулеза. Если судить по количеству пролитой крови, меня можно сравнить с Толстым, но ведь он баталист. Под моим пером умирают с достоинством и в свой час.

КАТЯ. Ты уже позабыл, как ночью рыдал в саду? Кричал, что поспешил, что мальчик мог бы еще жить...

ТОМАС МАНН. В самом деле, с мальчиком меня занесло.

КАТЯ. Я думаю, ты убил его со злости на его прототип.

ТОМАС МАНН. Смерть в романе... Не стоит приписывать ей большего значения, чем в жизни.

КАТЯ. Гауптманна ты ненавидел, и потому позволил ему удавиться.

ТОМАС МАНН. Он подлец.

КАТЯ. А что было с Клавдией? После нашего скандала из-за шляпы ты предательски ее умертвил. На следующий же день. А ведь она была само здоровье.

ТОМАС МАНН. Ее болезнь развивалась незаметно.

КАТЯ. Она была здорова, как корова.

ТОМАС МАНН. Мне лучше знать.

КАТЯ. Ты ускорил течение болезни из-за шляпы.

ТОМАС МАНН (подходит к кровати, надевает шляпу). Ее Бог забрал. Я после ее смерти не спал три ночи подряд. Знаешь, однажды я так возненавидел себя, что совершил самоубийство. И дабы избежать сплетен о моей смерти, скрылся в образе женщины.

КАТЯ. И чем же провинилась перед тобой эта женщина?

ТОМАС МАНН. Ничем. Страдала депрессией.

КАТЯ. Твоей депрессией.

ТОМАС МАНН. А чей же еще? Не заводил меня!

КАТЯ. Потому что со мной опять случится что-то дурное.

ТОМАС МАНН. Ты сама это сказала. Я только орудие твоего воображения.

КАТЯ. Грешить помыслами. Над этой еврейкой в "Иосифе" с самого начала собираются тучи. Мне будет очень неприятно, если я снова умру родами. Не люблю умирать родами. Сбрось меня со скалы. Или утопи в море.

ТОМАС МАНН (растерянно). Я собирался поразить тебя палестинской стрелой. Меткая стрела. Ты бы ничего не почувствовала. Как-то я уже топил в море двоюродного брата. Не рекомендую. Страшная смерть. Поражу тебя стрелой в самое сердце.

КАТЯ. После всего, что я для тебя сделала!

ТОМАС МАНН. Ну хорошо. Как желаешь умереть?

КАТЯ. Хочу броситься со скалы в море.

ТОМАС МАНН. Я сделаю это для тебя. Столкну в море.

КАТЯ (с обидой). Спасибо, сама брошусь.

ТОМАС МАНН. Но помни, ты умираешь как хочешь в последний раз.

КАТЯ. Благодарю покорно.

ТОМАС МАНН. Не стоит благодарности.

КАТЯ. Хочу броситься со скалы в море.

ТОМАС МАНН. Я сделаю это для тебя. Столкну в море.

КАТЯ (с обидой). Спасибо, сама брошусь.

ТОМАС МАНН. Но помни, ты умираешь как хочешь в последний раз.

КАТЯ. Благодарю покорно.

ТОМАС МАНН. Не стоит благодарности.

Сцена вторая

Входит Франк с большим платком, перевешенным через плечо.

ФРАНК. Стрижем?

ТОМАС МАНН. Стрижем.

Катя встает с кресла. Томас Манн садится. Франк завязывает ему вокруг шеи платок.

Стрижет.

ТОМАС МАНН. Тебя не было три дня. Что там в деревне? О чем говорят?

ФРАНК. Все об одном и том же.

ТОМАС МАНН. О коровах?

ФРАНК. О быке. Большом буйволе.

ТОМАС МАНН. И что говорят?

ФРАНК. Что большой буйвол придет сюда

пасть. Ведь здесь как говорят?

ТОМАС МАНН. По-буйволиному.

ФРАНК. Болтали, что один немецкий часовщик в Берне придумал, что такое время.

Здесь немцы чего только ни придумают. Что такое воздух. Что такое вода. Ведь здесь все происходит так мудро, что можно точно рассмотреть. Большой буйвол будет приезжать сюда и думать, как все устроить. А тот немецкий часовщик будет давать ему советы.

ТОМАС МАНН. Это не часовщик, а философ, который придумал теорию относительности.

ФРАНК. Понимаю.

ТОМАС МАНН. Не понимаешь. И он не будет давать ему советы, ведь это еврей.

ФРАНК. Все-то вы знаете, господин Манн. Для меня большая честь — стричь такую голову.

По такой голове гребень иначе ходит. Столько мудрых мыслей, и прямо тут под волосами. Я себя чувствую так, словно причисляю ваши мысли.

ТОМАС МАНН. А что ты чувствуешь, когда сам причисляешься?

ФРАНК. Вроде как разгребая траву.

ТОМАС МАНН. Носи подходящую шляпу. Шляпа облагораживает.

ФРАНК. Я в ней смешно выгляжу. Вы — другое дело.

ТОМАС МАНН. Все мы смешны. В шляпе и без.

ФРАНК. Только не вы. Вы и сидите, и ходите, как епископ. Так и хочется выстричь тонзурку.

ТОМАС МАНН. Я тебе дам тонзурку, бездельник. У тебя руки дрожат. Снова три дня пьянствовал.

ФРАНК. Очень уж нервное у меня ремесло, господин Манн. Ваше-то занятие спокойное. Чтение, музыка, чай. Стриг я как-то тут одного генерала. И по запарке срезал ему бородавку.

А он вытащил револьвер и положил перед собой. Руки у меня затряслись, и я срезал ему другую. У него вся голова была в бородавках. Тут генерал упирает мне дуло в живот и говорит: еще раз — и стреляю.

ТОМАС МАНН. И выстрелил?

ФРАНК. Нет, я же потерял сознание. Он тогда позвонил в штаб, чтобы ему прислали военного парикмахера. Военный парикмахер был пьян и порезал ему ухо. Генерал встал, выругался и сказал: уж мы вам покажем, где раки зимуют. Мы — вам. Генералы — парикмахерам.

ТОМАС МАНН. Может быть, вы — особая порода?

ФРАНК. С того времени я военных не стригу. Три дня в тюрьме просидел.

ТОМАС МАНН. Вот так новость. Мой парикмахер — бывший заключенный.

ФРАНК. В камере приказали мне постричь смертника. Спрашиваю, как тебя постричь? Вот так, говорит, и эдак. Долго объяснял, словно на бал собирался. А какой, спрашиваю, тебе приговор? Гильотина, говорит. Я стригу голову, а ее через два часа бросят в корзину. Понимаете? Я чувствую себя полным идиотом. Спрашиваю: освежить? Да, говорит, немного, лавандовой водой. Вечером приходит ко мне его палач и тоже просит его постричь. Вы, дескать, хороший парикмахер. Этот смертник — отличная работа. А вы, говорю я ему, ес испортили. Ничего, говорит, подобного, голова будет экспонатом в военном музее. Этот смертник был парикмахером и полоснул по горлу одного генерала. Из-за женщины. Мы такие головы не выбрасываем.

ТОМАС МАНН. Помилосердствуйте! Вечно ты угощаешь меня такими историями. У меня от них понос.

ФРАНК. Вы-то предпочитаете истории красивые, все больше о купцах и философях. А парикмахерское дело — сама жизнь. Вот бы вам описать мои переживания. Вышел бы бестселлер.

ТОМАС МАНН. Целый час стрижешь одно и то же место. Сосредоточься. Сегодня мне надо хорошо выглядеть.

ФРАНК. Вы ждете гостя?

ТОМАС МАНН. Скажем так: у нас будет гость. Важный визитер, знаешь ли. Но ты не болтай в деревне. Ты не видел, не слышал.

ФРАНК. Встретить его на станции?

ТОМАС МАНН. О таких, как он, предупреждают, а потом их привозят.

ФРАНК. Так я потом отвезу его на станцию.

ТОМАС МАНН. Его отвезут. Хочу с ним немного побеседовать. То есть, это он желает со мной побеседовать. Сам я не смог поехать.

ФРАНК. Вы-то предпочитаете истории красивые, все больше о купцах и философях. А парикмахерское дело — сама жизнь. Вот бы вам описать мои переживания. Вышел бы бестселлер.

ТОМАС МАНН. Целый час стрижешь одно и то же место. Сосредоточься. Сегодня мне надо хорошо выглядеть.

ФРАНК. Вы ждете гостя?

ТОМАС МАНН. Скажем так: у нас будет гость. Важный визитер, знаешь ли. Но ты не болтай в деревне. Ты не видел, не слышал.

ФРАНК. Встретить его на станции?

ТОМАС МАНН. О таких, как он, предупреждают, а потом их привозят.

ФРАНК. Так я потом отвезу его на станцию.

ТОМАС МАНН. Его отвезут. Хочу с ним немного побеседовать. То есть, это он желает со мной побеседовать. Сам я не смог поехать.

ФРАНК. Вы-то предпочитаете истории красивые, все больше о купцах и философях. А парикмахерское дело — сама жизнь. Вот бы вам описать мои переживания. Вышел бы бестселлер.

ТОМАС МАНН. Целый час стрижешь одно и то же место. Сосредоточься. Сегодня мне надо хорошо выглядеть.

ФРАНК. Вы ждете гостя?

ТОМАС МАНН. Скажем так: у нас будет гость. Важный визитер, знаешь ли. Но ты не болтай в деревне. Ты не видел, не слышал.

ФРАНК. Встретить его на станции?

ТОМАС МАНН. О таких, как он, предупреждают, а потом их привозят.

ФРАНК. Так я потом отвезу его на станцию.

ТОМАС МАНН. Его отвезут. Хочу с ним немного побеседовать. То есть, это он желает со мной побеседовать. Сам я не смог поехать.

ФРАНК. Вы-то предпочитаете истории красивые, все больше о купцах и философях. А парикмахерское дело — сама жизнь. Вот бы вам описать мои переживания. Вышел бы бестселлер.

ТОМАС МАНН. Целый час стрижешь одно и то же место. Сосредоточься. Сегодня мне надо хорошо выглядеть.

ФРАНК. Вы ждете гостя?

ТОМАС МАНН. Скажем так: у нас будет гость. Важный визитер, знаешь ли. Но ты не болтай в деревне. Ты не видел, не слышал.

ФРАНК. Встретить его на станции?

ТОМАС МАНН. О таких, как он, предупреждают, а потом их привозят.

ФРАНК. Так я потом отвезу его на станцию.

ТОМАС МАНН. Его отвезут. Хочу с ним немного побеседовать. То есть, это он желает со мной побеседовать. Сам я не смог поехать.

ФРАНК. Вы-то предпочитаете истории красивые, все больше о купцах и философях. А парикмахерское дело — сама жизнь. Вот бы вам описать мои переживания. Вышел бы бестселлер.

ТОМАС МАНН. Целый час стрижешь одно и то же место. Сосредоточься. Сегодня мне надо хорошо выглядеть.

ФРАНК. Вы ждете гостя?

ТОМАС МАНН. Скажем так: у нас будет гость. Важный визитер, знаешь ли. Но ты не болтай в деревне. Ты не видел, не слышал.

ФРАНК. Встретить его на станции?

ТОМАС МАНН. О таких, как он, предупреждают, а потом их привозят.

ФРАНК. Так я потом отвезу его на станцию.

ТОМАС МАНН. Его отвезут. Хочу с ним немного побеседовать. То есть, это он желает со мной побеседовать. Сам я не смог поехать.

Сегодня пришла телеграмма от детей. В Германии все время дождь. Я мог бы подцепить грипп.

ФРАНК. Вы сильный человек.

ТОМАС МАНН. Боюсь, я не выдержал бы лечения, которое мне потом прописали бы.

ФРАНК. Там врачи хорошие.

ТОМАС МАНН. О да, хорошие.

Катя включает радио. "Вальпургиева ночь" Вагнера.

ТОМАС МАНН. Я не хочу слушать музыку. Я хочу немного поговорить.

КАТЯ. С каких это пор музыка мешает твоим разговорам.

ТОМАС МАНН. В последнее время она мешает всему.

ФРАНК. Известное дело, лучше поговорить спокойно. Вы так красиво говорите о человечности.

ТОМАС МАНН. Именно поэтому я не желаю слушать музыку. Музыка и человечность несовместимы. Музыка совращает, дурманит ум. А о человечности надо трезво, ясно. Сейчас нужна тишина. Как можно больше тишины. Везде слишком много шума. По радио сплошной Вагнер, которым этот мерзавец приводит толпы в состояние истерической дрожи.

ФРАНК. Ах, как вы красиво говорите. С этим человечеством вечно проблемы.

ТОМАС МАНН (Франку). Хватит! (Срывает с шеи платок.) Из-за своей музыкальности немцы каждые двадцать лет просыпаются по уши в дерьме.

ФРАНК. Фу!

ТОМАС МАНН. И я с ними.

ФРАНК. Как это неприятно. Все-таки человечки — поганые ребята.

ТОМАС МАНН. Потому что от музыки надо бежать. Куда ни пойдешь — музыка. В кинохронике Малер. В кабаке Бетховен. У парикмахера Вагнер. У дантиста Штраус. Тра-та-та-та-та!

ФРАНК (подражает). Тра-та-та-та-та-та!

ТОМАС МАНН. На улицах песни.

ФРАНК (поет на мотив марша). Все как один эту песню споём.

ТОМАС МАНН (заводится). Рев на стадионах!

ФРАНК (кричит). Ура!

ТОМАС МАНН. Салюты из пушек!

ФРАНК. Ба-бах!

ТОМАС МАНН. Как будто природа лишилась голоса. Кто-то поднимает опасный шум.

ФРАНК. Так! Та-тата! Та-та-та!

ТОМАС МАНН. Никто уже не разговаривает. Все слушают.

ФРАНК (двигается как в танце). Все слушают.

ТОМАС МАНН. Какая-то ублюдочная симфония!

ФРАНК (вскакивает на кровать, вскидывает вверх руки). Симфония!

ТОМАС МАНН. Это преследует меня! Терзает! Меня от этого тошнит!

Катя заходится истерическим смехом.

ТОМАС МАНН. Великолепный экземпляр нашего животного.

КАТЯ. На мой взгляд, он самый уродливый из твоих парикмахеров.

ТОМАС МАНН. Надо бы его сплавить на время визита эмиссара. Ведь если приедет большая шишка, сбежится вся деревня.

КАТЯ. Большая шишка! Сам большой буйвол, который перепутал свое стойло с твоим.

ТОМАС МАНН. Ты шутишь, а мне не до смеха.

КАТЯ. Ты стал рассеянным. Вчера в коридоре поклонился своему отражению в зеркале. Зря ты не веришь в лечебное действие трав.

ТОМАС МАНН. Я уже ни во что не верю. Меня снова водят за нос. Стоит мне что-то одобрить, как положение вещей тут же меняется. У меня руки начинают трястись, как у Франка. Раскурить сигару и то трудно. При кайзере дрожал как осиновый лист, пока не заметил, что кайзер вовсе не так плох. В армии дрожь-дрожал, пока не поверил, что с войной худо, а без войны нехорошо. Я, наверное, умер бы от болезни Паркинсона, если бы в Мюнхене не стал революционером. При республике меня била дрожь до тех пор, пока я не стал республиканцем. Я измотан до предела. А они теперь вылезли с этим Гитлером.

КАТЯ. Суешься в политику, а сам в ней как ребенок.

ТОМАС МАНН. Я не могу спокойно смотреть...

КАТЯ. И не смотри. Смотри на Альпы. Прекрасный вид. И пиши свои библейские истории.

ТОМАС МАНН. Но ведь мне больно, Катя. Больно за эту страну.

КАТЯ. Какая страна? Твоей страны давно нет. Ты носишь ее в голове.

ТОМАС МАНН. В животе. У меня от нее боли в животе.

КАТЯ. Травы. Много трав. Здесь все склоны поросли травами.

ТОМАС МАНН. Я должен говорить. Не знаю, чего хотят и кто хочет, но я должен говорить.

КАТЯ. Разговоры не их специальность. Музыка, ты сам сказал. Толкую тебе как ребенку. Тебя нельзя оставлять без присмотра, а то ты снова наговоришь глупостей. Помнишь статью в "Правде"? Как ты расчувствовался. Хорошо, что я вовремя заглянула в бумаги, а то бы ты выразил свое почтение Сталину.

ТОМАС МАНН. Но ироническое.

КАТЯ. Ирония как раз то, к чему власти особенно восприимчивы.

ТОМАС МАНН. Марка Аврелия убило одно ироничное слово.

КАТЯ. А Гитлера не убьет целая библиотека. Для них книжка воняет или благоухает. В семействе Маннов нашелся бы один разумный писатель, имей я хоть десятую часть твоего таланта.

Франк за стеной начинает петь оперную арию.

ТОМАС МАНН. А знаешь, это ведь не шутки. (Встает, ходит вокруг дерева.) Эта власть смешна и омерзительна, но законна. Когда-то говорили: глас народа — глас Божий.

КАТЯ. Народ так тебя чтит, что в конце концов посадил на трон буйвола.

ТОМАС МАНН. Возможно, Бог меня не читал.

КАТЯ. Твой парикмахер в пьяном виде признался мне, что читал твои дневники.

ТОМАС МАНН. А если и так, то не понял ни слова. Ты думаешь, он вообще умеет читать?

КАТЯ. Может, люди читают книжки вверх ногами? **КАТЯ.** Подвели тебя читатели. Носятся в штурмовых отрядах и жгут синагоги.

ТОМАС МАНН. Без меня они совсем одурели.

КАТЯ (теряет терпение). Я уложу твои чемоданы.

ТОМАС МАНН. Я жду эмиссара.

КАТЯ. Приедет доктор Геббельс и отдаст тебе украденное столовое серебро.

ТОМАС МАНН. Пойми, я убежал. Дал деру из страны, потому что испугался.

КАТЯ. Багаж будет легкий, только летние вещи.

ТОМАС МАНН. Они смотрели на мой дом и говорили: там живет кто-то такой, как Гете. А я удрал в кусты. Ненавижу!

КАТЯ (передразнивает). Ненавижу!

ТОМАС МАНН. Ненавижу.

КАТЯ. Ненавидишь?

ТОМАС МАНН. И они ненавидят.

КАТЯ. Так ненавидят, что аж выбрали и посадили на трон.

ТОМАС МАНН. Что-то в этом должно же быть. В конце концов они выбрали не осла, а буйвола. (Умолкает, останавливается на месте.) Вот если бы оказалось, что в этой трясине плавают...

КАТЯ. Утопленник.

ТОМАС МАНН. ...рациональное зерно. Одно зернышко.

КАТЯ. Зернышки в трясине плавают парами.

ТОМАС МАНН. Другое я бы сам вылутил.

КАТЯ. Восточное или западное?

ТОМАС МАНН. Ты знаешь, что для меня это не имеет значения. Я бы смешал одно с

другим. В этой смеси нашлось бы третье. Три рациональные зерна — это уже диалектическая триада.

КАТЯ. Хочешь создать им идеологию?

ТОМАС МАНН. Я только считаю зерна в трясине.

КАТЯ. Трясина — какое-то не твоё слово.

ТОМАС МАНН. Нет уже моих слов. Отняли у меня дом, автомобили и слова.

КАТЯ. Не говоря уже о столовом серебре.

Франк поет за стеной оперную арию. Катя начинает стелить постель.

КАТЯ. Хорошо спать на свежем воздухе.

ТОМАС МАНН. Оставь подушки в покое, пожалуйста. Ты все перекладываешь с места на место. Если б я мог собрать мысли, как ты собираешь наши вещи. Сегодня я целое утро искал очки. Потом написал письмо издателю и смысл его ромашковым настоем, который ты водрузила на коробку с сигарами.

КАТЯ. Я хочу спать. Ночью ты ходил по комнате и все время натыкался на мебель.

ТОМАС МАНН. Ну уж это тебе приснилось.

КАТЯ. А кто шлепнулся на балконе в четыре утра?

ТОМАС МАНН. Я искал туалет, ошибся дверью.

КАТЯ. Я хочу спать. Пусть Франк перестанет, не то я сойду с ума.

ТОМАС МАНН. Ты хочешь, чтобы доктор Геббельс застал меня в ночном колпаке и с искусственной челюстью в стакане. Аудитория в хижине Томаса Манна. Томас Манн в своей берлоге. Им бы очень этого хотелось. Коль скоро я не даю себя приручить, пусть я скачусь на дно. Великий гражданин сам чистит себе башмаки деревенским салом.

КАТЯ. Напиши что-нибудь веселое.

ТОМАС МАНН. Я уж ничего больше не напишу.

КАТЯ. Что ж, тогда ложись спать.

ТОМАС МАНН. Америка. (Раздевается, сдвигая позиции.) Американцы, те живут спокойно. В наше время родиться немцем — хуже, чем родиться подонком. Этих людей ничем не проймешь. Непостижимо. После бутылки шампанского я иногда что-то понимаю. А на следующий день опять не понимаю.

Франк поет все более увлеченно.

ТОМАС МАНН. А этому ослу весело.

КАТЯ. Подонки, ослы. У тебя испортился язык. Сначала желудок, а потом язык.

ТОМАС МАНН. У писателя всегда сначала портится желудок, а потом языки. Никогда наоборот. Поскольку язык портится от желудка.

КАТЯ. А голова от яиц. И зерен.

ТОМАС МАНН (кричит). Франк, прекрати!

Входит Франк.

ФРАНК. Что прикажете?

ТОМАС МАНН (умоляюще). Не пой.

Франк подходит к рампе. У него другое лицо.

ФРАНК. Не петь.

ТОМАС МАНН. Разговаривать.

КАТЯ (зевает). Спать.

Сцена четвертая

Томас Манн и Катя в постели. Неподвижно лежат рядом, как две поверженные статуи. В комнате полумрак.

ТОМАС МАНН. Мне снилось, что я кайзер. Я шел по темной улице, в отцовском пальто. В конце улицы меня ждала карета. Но потом оказалось, что это не карета, а крестьянский воз. В санях сидел Франк, мой парикмахер.

КАТЯ. И что?

ТОМАС МАНН. Я ехал в санях. Сани из хорошего красного дерева. Потом я заметил, что это не сани, а мой письменный стол. Из него выпалили страницы моего дневника. Люди подбирали их и читали.

КАТЯ. И что?

ТОМАС МАНН. Тогда я проснулся.

КАТЯ (сонно). И что?

ТОМАС МАНН. На этом они меня поймали.

КАТЯ. Спи.

ТОМАС МАНН. Потом стол развалился. Осталась одна стенка. Франк правил. Я сидел на коленях за его спиной. Он, как всегда, отгадывал сорт моей сигары. Мы ехали вдоль живых шпалер. Люди кричали ура, но это относилось не ко мне. В этом сне, где я ехал с Франком на письменном столе, мне приснилось другой сон. О восторженной встрече в Амстердаме. Помнишь восторженную встречу в Амстердаме? Ко мне подошла женщина и спросила, почему мой герой влюбляется в мальчика. Да еще и умирает от любви. Потому что так получилось, говорю. А она: на самом деле? Сам, говорю, видел, в Венеции. Потом она спросила, переспал ли Ганс с Клавдией. Переспал, отвечаю, в следующем томе, он у меня в голове. Так ведь Ганс ушел на фронт, говорит. Я ей, ну и что, вернется и переспит. Ничто их не интересует, только переспит или нет. И тут она мне заявляет, дескать, вы старый, позабыли, что Клавдия умерла. Я и в самом деле позабыл. И

не знал, как выбраться из неприятного конфуза. Знаешь, когда я просыпаюсь? Когда мне во сне отказывает остроумие.

КАТЯ. Остроумие во сне. Сколько ты при-
нял?

ТОМАС МАНН. Потом эта женщина начала целовать Франка. Обнимать и целовать. А я вдруг оказался на охоте с Гитлером. На мне были твои баварские штаны. А на нем короткие шаровары. Я видел его волосатые икры. А мои икры были голые, словно выбритые. Я во сне подумал, что необходимо написать на эту тему идеологический трактат. О превосходстве нордических икр над юго-восточными. Икры — это дух и искусство. Ты только сравни икры Дюрера с икрами Шопена. Икры протестантские с католическими. Волю с настроением. Духовную форму движения с состоянием эстетической дрожжи. Это лучше, чем сравнивать лица или ладони. Гитлер шагал впереди, я отставал на несколько шагов. Не могу понять, почему мне так хорошо знакомы его фигура, жесты. Я видел две кинохроники с ним и его замом. У зама точно такая же походка. Он двигается точно так же, говорит то же самое. Столько гениев пыталось покорить немцев. А удалось это педофильскому онанисту и травоеду. С такой парикмахерской мордой! Имей он физиономию Канта, я бы простил ему графоманию "Майн Кампф". Имей он руки Фридриха Великого, я бы извинил ему смещение нескольких евреев с должностей в судопроизводстве. Я понял во сне, что разговора не получится. Сначала я говорил ему что-то о прелестях прогулок по хвойным лесам. Потом острил на предмет долгожительства любекских купцов.

Мы вышли на огромную равнину. И тут он заговорил. Где-то здесь, говорит, должна жить моя мама. Это меня ошарашило. Как если бы у него вообще не могло быть матери. Мы взобрались на холм. Перед нами открылся вид на си-
не-зеленое пространство. В темноте сверкали огни городов. Я узнавал башни соборов и реки. Я видел мосты, телеграфные столбы. Угольные терриконы. Корабли в заливах. Теперь, сказал он, нужно идти от дома к дому. Пойдешь со мной? Они спят, говорю. Вот именно, подхватил он, надо их разбудить. Поднял вверх дуло ружья и выстрелил. Выстрел был жалкий, как короткий кашель. (Подражает выстрелу.) Он помолчал немного. А потом начал плакать. Но не как мужчина. Плакал, как ребенок. Заходился плачем, ревел, сморкался. На него было страшно смотреть. Так где же, спрашиваю я, ваша мать? И тут он взглянул на меня. Последний раз так глядел мой отец, когда я показал ему свою первую новеллу. Я не был ни купцом, ни солдатом. Я был бесполезным писателем. Мои книги показались мне глупыми, плоскими, фальшивыми. Я почувствовал себя ужасно. Я увидел всю свою нищету. Меня разбудила щеколка в голове. Я понял, что вся моя жизнь — кошмарная ошибка.

КАТЯ. Мне расхотелось спать.

ТОМАС МАНН. Под утро мне приснилось еще один сон о нем. Будто он приехал в Арозу на лыжах. К нему подбежал Бушан и лизнул ухом. Я услышал шаги в коридоре. Потом стук в дверь. В дверях стояла горничная. Приехал ваш отец. Мой отец вошел, осмотрелся, сел. Он был очень стар и кожа вся в морщинах, как дубовая кора. Тебя не было, кофе подала горничная. Ты была горничной. Я видел, что отец мною недоволен. Он всегда был мною недоволен. Он начал жаловаться, что один не справляется в конторе. На складах завелся мучной червь. Евреи искусственно взвинчивают цены на зерно. И это все твоё добро? — спрашивает. Нехорошо, говорит, и качает головой. Ты уж старый конь, а мотаешься по свету, как бродячий фокусник. До чего ты докатился, сын. Вечно на чужбинах, по гостиницам. От этих переездов в животе вода скапливается. А твою последнюю повесть меня огорчила. Всех соседей осрамил! Я говорю, это вымысел, фикция, а он мне, сам ты фикция, где ты только таких грязных слов набрался? Папа, говорю, я получил Нобелевскую. А он в ответ, ты получил ебелевскую. А знаешь, спрашиваю, кто сюда явится через минуту. Не знаю. Рейхсканцлер, говорю, Бисмарк? — кричит, а в голосе горькое недоверие. Гитлер. Этого не знаю. Откашлялся с достоинством, потом вдруг занервничал, спрашивает, что стало с Бисмарком? Умер, говорю. Как так умер? Я читал сегодняшние газеты, там не писали. Папа, говорю, на дворе тысяча девятьсот тридцать третий год, и мы с тобой во сне. Во сне, говоришь? Да, ты мне приснился. Он, как обычно, поглядел на меня с жалостью. Я всегда тебе говорил, ты свихнешься от этого писательства. Ты и свихнулся. Помни, твоё место в конторе.

КАТЯ. А что с Гитлером? Он пришел на-
ко-
нец?

ТОМАС МАНН. Это смешная история. Я люблю свои сны! Они лучше моей яви. Гитлер был на лужайке перед лесным отелем, здоровался с персоналом. А я стоял в шпалере вместе с остальными. Сообразив, что придется позвать ему руку, я попытался улизнуть. Но было слишком поздно. Он стоял передо мной и сверлил меня этим своим взглядом чокнутого василиска, а потом стиснул мою ладонь. Вы меня узнаете, господин канцлер? Тем самым я как бы признавал эту власть. А что я должен был сказать? Господин художник? Или господин Шикельгубер? Узнаю, а как же, я прочел ва-

шу последнюю повесть и разделяю мнение вашего отца, что книжка слишком покатая. Так и сказал, покатая. Понимаю, понимаю. Так вы знаете моего отца, спрашиваю. Я знаю всех немцев. Никто не знает их так, как я. А теперь мне досадно, что я так с ним разговаривал. Надо было иначе. Он подходит, протягивает руку, а я раскуриваю сигару. Он стоит с протянутой рукой, потом со злостью ее опускает. А я стою и курю. Я, говорю, вам руки не подал, поскольку не имею привычки подавать ее негодьям. (Кате.) Как тебе это нравится? Он — мне: я канцлер рейха, собака! А я ему на это, не называйте меня собакой, ведь вы оскорбляете тех, кто воспитывался на моих книгах. Тогда он хватает меня за галстук и ведет на середину двора. Я вижу его кожаные перчатки, слышу их мыльный запах. Персонал построен в каре. Я замечаю, что стою босиком и в пижаме. Все стоят в пижамах, кроме него и его офицеров. Повесить, говорит он одному из них. Не скрою, в голове у меня зашевелилось, но я не проснулся. Офицер отводит Фюрера в сторону и что-то ему толкует. Богомаз сначала не желает ничего слушать. Потом вдруг раздражается громким плачем. Плачет, как маленький. Всем разрешается разойтись, поговорить. Управляющий отеля спрашивает меня о моих планах. Как тебе мой сон?

КАТЯ. Ты его выдумал.

ТОМАС МАНН. В какой-то степени. А ты думаешь, он бы меня повесил? Повесить меня — это как повесить Бальзака. Для меня они все-
го лишь дураки, а ты считаешь их скотами.

КАТЯ. Не повесят и не посадят. Ты не Тухольский, не Керр, не Осецкий. Отнимут у нас паспорта, предоставят дом, как Гауптманну, и круглосуточное наблюдение. Цензура переписки, раз в неделю консультация в окружном отделе госбезопасности. Продуктовые карточки.

ТОМАС МАНН. Я получал бы гонорары из-за границы.

КАТЯ. Тебя перестали бы издавать как кол-
лаборациониста.

ТОМАС МАНН. Я бы всячески избегал сотру-
дничества. И они бы все мне позволили. Я был бы живым доказательством свободы слова в рейхе.

КАТЯ. Но это еще должно тебе присниться. Впрочем, сон вышел бы довольно гнусный.

ТОМАС МАНН (заводитесь). Но тогда я буду кусаться!

КАТЯ. Когда художника неприлично пове-
сить, художник вешается сам. В состоянии депрессии. В состоянии чей-то депрессии.

ТОМАС МАНН (срывается с кровати, стоит в полосатой пижаме). Господи! Не мучай меня! Ты только посмотри на меня! Это я! Олимпиец, закланатель имперфекта, кародей! Я уязваю в этой трясине. (Кричит.) Да разве ты не понимаешь, что я здесь умираю? Беженец! Де-
зертир! Я в этом состоянии не напишу ни строчки! Я не умею напиваться, как Генрих. Или тискать за кулисами актрис, как Берт. По-
нос поглощает все мое внимание. Я беззастенчив против своего поноса!!!

КАТЯ (срывается с кровати. На ней такая же пижама. Стоят лицом друг к другу. Их разделяет постель.) А теперь слушай. Слушай внимательно. Помнишь дом Принсгеймов? О какой деклассации ты говоришь? А наша жизнь? О рождении детей ты узнавал по телефону. Ты рассматривал их как кукол. Я охраняла тебя от жизни, потому что ты ее боялся. А в Венеции ты так увивался за Тадеком, что над тобой смеялся весь пансион. Надо мной смеялся! Я весь отпуск просидела одна у моря. Отпуск в обществе чаек вместо мужчины. Я знала для тебя не больше, чем чайки. Хочешь вернуться домой? Ты знаешь, что бы они там со мной сделали. Возвращайся один, ска-
тертью дорожку! Будешь там якшаться со своими писателями. Я не позволю запретить себя в таком гадюшнике. С сегодняшнего дня сам за-
клинай имперфект.

ТОМАС МАНН. Катя, а ты не впадаешь в ис-
теричку?

КАТЯ. Нет. Я уезжаю в Америку.

ТОМАС МАНН. Ты недавно собралась в Ис-
панию.

КАТЯ. В Испании пересяду на паром.

ТОМАС МАНН (тихо). А наша жизнь?

КАТЯ. Будем поддерживать контакт в ин-
тересах детей. Обрати внимание на Клауса, он принимает морфий.

ТОМАС МАНН. Ты говорила, что это пилюли
против икоты.

КАТЯ. Говорила, чтобы ты мог спокойно за-
клинять. (Одевается.)

ТОМАС МАНН. Не буди парня. Он должен
сегодня отвезти меня в педикюрный салон.

(Подбегает к тумбочке, вытряхивает на ладонь
таблетки, глотает.)

КАТЯ (громко зовет). Фраанк!

Перевела с польского
Элла ВЕНГЕРОВА

(Продолжение в следующем номере)